

Выбор из двух зол — это свобода? Можно в ситуации выбора из двух зол не выбирать ничего, это будет правильно?

О. Георгий: Конечно, выбор из двух зол — это свобода. Но свобода свободе рознь. Бывает свобода выбора между добром и злом. Бывает свобода выбора между любовью и злом или грехом. И это все разные свободы.

Если же ты попал в ситуацию выбора из двух зол, ты должен выбирать меньшее. Это требует мужества, это требует смелости. Ты должен вполне понимать, что выбираешь все-таки зло и, ограничивая его, этим его не уничтожаешь, не преодолеваешь. Да, нужно понимать, что это безблагодатная ситуация, — то, что нужно выбирать из двух зол меньшее, но все равно зло. Это ситуация мира сего, но это ситуация оправдана в ту меру, в которую ты попал в эту ситуацию выбора из двух зол не по собственной воле. А если ты попал по собственной воле, то тут уж надо смотреть — насколько ты в этом виноват, насколько ты должен в этом каяться. Не выбирать ничего нельзя. Если ты не выбрал ничего, то ты фактически выбрал худший вариант, потому что попустительствуешь победе большего зла. И следует это понимать и за это отвечать.

Как Церковь относится к эвтаназии?

О. Георгий: Конечно, Церковь не верит ни в какое «благосмертие» (слово «эвтаназия» переводится именно так — «благосмертие» — как будто смерть может быть блаженной или счастливой!) Но смерть не может быть ни блаженной, ни счастливой, ни радостной. Ни для кого. Это всегда мучение. Это всегда следствие греха. Поэтому и Христос молил Отца о том, чтобы чаша миновала Его. Даже Он! Да, мы все хотели бы, чтобы смерть для человека проходила бы более мирно и спокойно. И в одной из церковных молитв, каждый день звучащих в храме, мы слышим: «христианской кончины жизни нашей, безболезненной, непостыдной, мирной у Господа просим». Безболезненная, непостыдная, мирная кончина — это, конечно, лучший вариант. Но хотя можно облегчить смерть человеку, нельзя отменить страха и ужаса перед смертью. Смерть всегда враг Богу. Поэтому Христос, Победивший смерть, для нас не просто великий человек, не просто великий пророк, а действительно Сын Божий, Тот, Кого можно назвать Богом.

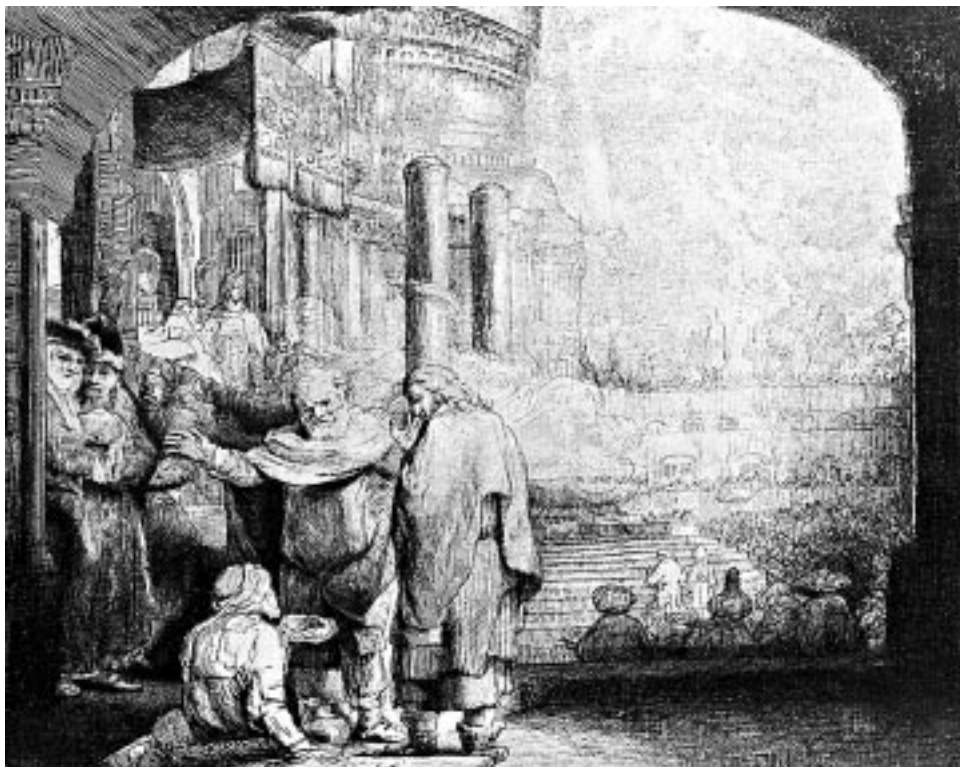
Церковь делает смерть менее страшной тем, что помогает людям не унывать. Те, кто работает в хосписах, или священники, которые исповедуют людей перед смертью, или родные, которые поддерживают до конца своих близких, в этом смысле поступают нормально и благородно. Но, конечно, просто убивать человека, только потому, что ему тяжело перед смертью, недопустимо. Да, есть проблема, когда человек на искусственных автоматах может жить практически бесконечно без всякой надежды на какое-либо улучшение, и тут нужна мера. В некоторых странах ставят таймеры, которые сами отключают эти аппараты, чтобы люди не касались этого своими руками, чтобы они не согрешили пред Богом и перед людьми. Но нельзя принимать эвтаназию как право врачей, пусть даже самых честных и доброжелательных. Потому что всегда есть возможность медицинской ошибки, всегда есть человеческие страсти — никто не знает, кто и по каким причинам может быть заинтересован в чьей-либо смерти. И чтобы не открыть дверь этим страстям и страшным порокам, нельзя признавать эвтаназию в современном смысле слова, медицинскую эвтаназию. Но всячески поддерживать людей, всячески облегчать последние моменты их пребывания на земле и можно, и нужно, и благородно, и праведно.

Как Церковь относится к назначению наркотиков больному, который не может терпеть боль?

О. Георгий: Наркотик, как и змеиный яд, в определенной мере может быть полезен. Он может быть лекарством. Если

КАК ЦЕРКОВЬ ОТНОСИТСЯ К ЭВТАНАЗИИ?

Ответы на вопросы открытых встреч

Рембрант ван Рейн. Петр и Иоанн исцеляют калеку в воротах Храма.

человек не может терпеть боль, то подовать боль — это благородное дело. Естественно, можно злоупотребить наркотиками — человека можно сделать наркоманом. Вот эта граница не должна переходить никогда никем. Но сама по себе терапия такого рода бывает необходимой. Однако нужно уметь выбирать наркотики и здесь знать во всем меру. Врачи же при этом должны очень смотреть за своим духовно-нравственным состоянием — впрочем, как и все другие люди.

Если Церковь говорит, что нужно лечиться, то почему она отрицает знахарство? Насколько много среди людей, занимающихся этим, шарлатанов, насколько настоящих знахарей?

О. Георгий: Дело в том, что неизвестно, что лучше — знахарство или шарлатанство.

Шарлатанство — это просто халтура. Халтура может, конечно, принести большой вред больному, который слишком верит тому, кто выступает в роли знающего человека. А «знахарь» — это тот, кто знает, ведун. Отсюда, к слову говоря, производно и понятие «ведьма», «ведьмак» и т.д. «Ведьма» — это та, которая знает, «ведун» — это тот, кто знает больше, чем другой. Это всё одно и то же. Что вам больше нравится — шарлатанство или ведьмовство? Полагаю, что вам не понравится ни то, ни другое.

Я лично считаю, что более опасным является ведьмовство. Дело не в том, может человек вылечить того или другого человека от физической немощи, важно, какими средствами он это делает. Если средства негодные, то ещё неизвестно, что лучше — исправленное здоровье, но утерянный духовный путь или, наоборот, оставшаяся физическая болезнь, но духовное здоровье. Если уж не получается в ряде случаев людям соединить одно с другим, то нетрудно установить здесь некоторую иерархию ценностей.

Ведь что делает «знахарь»? Если понимать под знахарством некие магические действия, которые просто затуманивают сознание человека, хотя и, предположим, с добрыми намерениями, которые превращают человека в безвольное существо, подвластное всяким посторон-

ним силам, то даже при условии, что физическое состояние улучшается, духовно-нравственное состояние человека в лучшем случае не улучшается. Вот из этого надо исходить. И знахарство как магическое действие Церковью не признается. Оно гонит, уничтожает свободу человека.

А вот лечение, нормальное лечение, причем не только традиционное (могут быть нетрадиционные методы — иглоукалывание, акупунктура, если, конечно, это не переходит в какие-то магические действия) — это приемлемо в свою меру.

Как церковь относится к пересадке органов или переливанию крови? Что при этом происходит с духом человека? Когда человек находится в состоянии алкогольного опьянения, он подхватывает другой дух. То же происходит и при переливании крови?

О. Георгий: Не очень понятна связь алкоголизма с переливанием крови, думаю, что это несколько поспешное суждение. Я полагаю, что переливание крови, а также пересадка органов никаким образом не затрагивает духовную сторону человеческого жизни. Ведь когда Священное писание говорит нам о том, что душа человека в крови его, оно, во-первых, говорит не о духе, а о душе, во-вторых, говорит о смысле жизни, в-третьих, говорит о принципе жизни, о сохранении, преемственности жизни. Ведь понятно, что когда в человеке нет крови, то он умирает. Но переливание крови — это не отнятие у человека крови, это не выливание его крови, а это переливание крови, это совсем не одно и то же. Душа человека в крови не в смысле просто физической крови, а в смысле того начала, которое помогает человеку жить, т.е. не терять душу.

Пересадка органов это ещё понятнее, проще.

А относительно алкоголизма — не знаю, никогда в жизни не был пьяным, поэтому не могу сказать, вселяется ли в человека опьяневшего злой дух. Может быть и вселяется, судя по поведению некоторых алкоголиков или просто сильно выпивших людей. Ведь то, что они делают и говорят, ни в какой нормальный

образ этих людей не вписывается. Видимо, вы из этого исходите, говоря, что в них вселяется дух чуждый, дух злой, дух мрачный, дух скользкий, лукавый и отвратительный.

Разве можно уйти от Бога, если Он везде?

О. Георгий: Что значит — везде? Если вы считаете, что Бог разлит везде в природе, то вы просто пантеист, или, по-другому, язычник, т.е. человек, который не знает личного Бога, Бога-Творца мира и всего, что в нем. А если вы думаете, что Бог обладает свойством Вездесущего в том смысле, что всё может быть пронизано Духом и Любовью от Бога, если Бог пошлёт этот Дух и эту Любовь людям или каким-то событиям или вещам, то это другое дело. Но это не значит, что Бог везде и во всём, потому что, например, во зле и в грехе Бога нет. Ни в каком предательстве, ни в какой подлости и злости Бога нет. А все это занимает немалую долю человеческой жизни. Так что уйти от Бога очень даже легко, достаточно войти в сферу, где Бога нет. Но не дай Бог вам это когда-либо сделать.

Дают ли деньги свободу? Если да, то как объяснить парадокс: свобода — от Бога, а сребролюбие — грех?

О. Георгий: Смотря что понимать под свободой. Деньги и дают свободу, и отнимают её. Сказано: корень всех зол — сребролюбие. Человек может в каком-то одном отношении получить свободу, но в других отношениях эту свободу потерять, как обычно и бывает с людьми, обладающими довольно значительными денежными средствами. Деньги могут освободить человека в какой-то конкретной житейской ситуации, но это не та свобода, которая имеет божественное происхождение. Мы говорим: Бог есть Свобода, но имеем в виду другую свободу — Свободу, которая свойственна Духу Божьему. А Дух Божий не связывается, и дары Духа тоже не вяжутся людьми, даже если они могут человека физически нейтрализовать, даже убить, или так или иначе ограничить его деятельность в этом мире. Поэтому-то и о свободе в отношении к деньгам говорить невозможно: купить свободу, как и покупать, нельзя. Человек, который задумал купить благодать или свободу за деньги, это большой грешник или человек очень неразумный, который совсем не знает, что деньги приносят и чего от человека требуют. Поэтому надо стремиться к Свободе Божьей, Свободе Духа, но не путать эту свободу с произволом, с возможностью жить по собственному желанию, просто «по своему хотению», «по шучему велению». Это также как с любовью. Надо искать Любовь от Бога. Но не всё, что люди называют любовью, есть Любовь от Бога.

Настоящая свобода — это зависимость только от Бога и больше ни от кого и ни от чего?

О. Георгий: Настоящая свобода — это независимость ни от кого и ни от чего, в том числе и от Бога, потому что Бог есть Свобода, и человек, который обладает Духом Свободы, он в Боге. Он не зависит от Бога, он живёт полноценной жизнью в Боге и в Духе Божьем. Это большая разница. Бог не отнимает у человека свободу, если только человек живёт не под законом, а под благодатью и истиной. «Закон через Моисея, благодать же и истина через Иисуса Христа», — мы слышим эти слова евангелиста Иоанна в первый день Пасхи, и нам, конечно, принципиально важно помнить, что устанавливая себе границы в этом мире, границы Закона, который помогает нам в этой жизни, который действительно устанавливает некоторую нашу зависимость, мы не можем ограничиться одним Законом. Мы ищем при этом благодать и истину, которые не являются границами, которые не устанавливают отношений зависимости с кем бы то ни было, которые выступают против рабства, всякого вида рабства, в том числе против рабства у Бога.

ПРИХОДЯЩИМ НА ПОМОЩЬ

Мысли в связи со спектаклем Сергея Юрского «Предбанник»

И мне часто кажется: я — никто, вода, текущая в решето. Особенно, когда на меня смотрят сто глаз...

Иосиф Бродский. «Театральное»

Есть старая история. Один молодой человек с настоящим сердцем подозревал, что вокруг него разыгрывается чудовищный спектакль, в котором он волей-неволей принимает участие, не имея сил обнажить искусственность происходящего и противостоять ему, как велит совесть. Ничего удивительного: выйти из игры, перестать кривляться в представлении, именуемом «мир сей», страшно: а есть ли вообще что-то кроме этого? Может, все-таки лучше не рисковать? И так бы молодой человек и оставался, подобно многим и многим, в духовном параличе, «бесплодие умственного тупика», если бы не заехали к нему в гости старые друзья-актеры, да не прочли пару монологов. В тот же момент что-то в нем сдвинулось, и он сказал сам себе: Все, хватит! Пора решаться! Лучше умереть для этого мира, остаться пустым местом, чем продолжать в том же духе. И — решился. Но для того, чтобы сделать явной ложь окружающего, ему понадобились те же друзья-актеры. Видимо, он подумал, что раз они помогли ему выявить собственную внутреннюю неправду, то помогут сделать то же и по отношению к неправде окружающего. И не ошибся.

В спектакле «Предбанник» Сергей Юрский сотоварищи вспоминают об этом едва ли не главном призвании актерской артели. Приглашая зрителя на свое представление на сцене театра Моссовета «под крышей», где играют в метре от первого ряда, они в действительности сами приходят к нему как старые друзья-актеры к тому молодому человеку, обнажая призрачность представления, в котором он вместе со всей страной участвует, и говорят: решайся! Перестань быть рабом этой дикой пляски смерти, именуемой в спектакле «мамбой», умри для дурного представления, пусть лучше вместо тебя останется пустое место, пустой стул. Да, они не дадут ответа на тревожный вопрос молодого человека: «Какие сны в том смертном сне приснятся?» — но это и не их дело. Зато они говорят: мы пришли как дру-

зья, старая дружба жива, мы ей верны, и это с их стороны — лучший залог и лучшее свидетельство.

Это удивительный спектакль. Он именно актерский: сделанный от и до, написанный и поставленный самими актерами, да и рассказывающий об актерам. Воспитанные и блиставшие в великую и уже ушедшую эпоху расцвета театра, оставленные Режиссером, которому было бы что сказать людям, актеры словно опять превратились в труппу бродячих комедиантов, но ког-

да это комедианты такого уровня, в их представлении начинает говорить сама суть их ремесла.

Когда все заигрались, невольно стали актерами, когда, как говорится «маски приросли» так, что человек этого даже не осознает, когда, как писал покойный Владимир Бибихин, страна погрузилась в тяжелый сон, когда все перестали быть собой и заглушают и так едва слышный голос совести лошадиными дозами кофе или виски, тогда актеры, для которых игра — профессия, могут помочь человеку это увидеть и сказать себе и другому: стоп! Так в полностью театрализованном мире актеры становятся одним из последних оплотов реальности: те, кто каждый день в новой роли и потому к ней не привязывается, указывают на настоящее, на то, что есть жизнь вне ролей — старая дружба, актерское братство. Они — как та фляга с коньяком, про которую в спектакле сказано, что она-то осталась настоящей, это всех остальных подменили. Так и у Бергмана актеры, отправляющиеся в Эльсинор, — единственные, кого смерть не сумела увлечь в свой танец.

Так в ремесле актера открывается его христианская глубина: сочувствие человеку, напоминающее о словах Павла: «Для всех стал всем...» (Зино-вий Гердт признавался, что никогда не пересматривал «Золотого тельца», так как играл Паниковского без сочувствия.) Здесь же сочувствие переходит какую-то последнюю грань: актеры открывают свою тайну. Почему Гамлет оказывается разбужен именно актером? М.б. потому что актер — последний, самый малый, не имеющий своей роли в мире сем и потому снисходящий до всех, не стесняющийся делать то, чего все стесняются — пред-

ставлять, открыто показывать свое актерство? Может быть, это и позволяет зрителю поверить актеру: когда Александр Филлипенко выходит в центральном монологе своего героя-депутата, он как бы говорит: смотри — как я завожусь от своей игры, откровенно ташусь, ловлю кайф, так и ты заводишься от власти — до того, что уже не в состоянии разжать пальцы. Уже это одно утешает: тебя понимают, и значит — есть путь назад.

Остается надеяться, что люди церкви оценят актерский подарок вдвойне: ведь это им строже всего наказано беречься именно закваски фарисейской, т.е., как перевел Аверинцев, лицедейской! Эта опасность всегда близка: заповеданное нам подражание Христу и святым Его, как и снисхождение «для всех стал всем», увы, легко превращается в то же дурное актерство. Убежать от своей жизни, спрятавшись под маску благочестия, и принести свою жизнь в жертву — не одно и то же. В подлинной жертве человек впервые освобождается, обретает себя: «Если вы будете верны в малом и чужом, — говорит Господь, — вам дадут великое и ваше». Лицедейство же опустошает: так, митрополит Сурожский Антоний любил вспоминать, как в молодости пытался подражать святому Антонию, да вскоре понял, что так и не став святым Антонием, перестал быть собой. Дабы заполнить образовавшийся вакуум, человек начинает играть свою роль с все большим остервенением. Так и возникает замкнутый круг, поработавшая магическая мамба, пляска смерти. Не замечаем ли мы ее в церкви все чаще — вокруг себя и — увы, реже — в себе? Что нам делать?

Актеры, играющие тех, кто сидит в зале и наблюдает оттуда, отличаются от последних тем, что из зала уже вышли, оставили за собой пустое кресло, сожгли мосты, сами выставили себя на позор, на откровенную гибель. Когда гибнет герой, мы, мнящие себя «свободными людьми», честно заплатившие за билет и потому чувствующие себя в безопасности в анонимной темноте зала, заготовившие на всякий случай свое «сдержанное хмы-хмы», начинаем осознавать при-

зрачность этой безопасности якобы «стороннего наблюдателя». Нет, начинаем мы понимать по ходу спектакля: гибель героя на сцене, как и актера в жизни — наша гибель. Отсюда и

наше ему сочувствие. В стихах, посвященных Юрскому, Бродский говорит, что у нас, сидящих в зале и плачущих от бессилия помочь герою, гибнущему от фарисейства, т.е. от лицедейства мира сего, торжествующего в истории, есть только один выход — это собственный выход на сцену истории. Не чтобы устроиться в ней поудобнее, но «разнести историю» в щепки.

Так подлинный театр напоминает нам о нашем эсхатологическом призвании — приближать ту реальность Свободы, в которой историческое время действительно течет перестанет, — и вне которого наша собственная история рискует кончиться той «баней», на которую указывает название спектакля.

И уже совсем от себя скажу: глядя на пустой стул, оставшийся в конце спектакля от актера, которого играет Сергей Юрский, я подумал, что если люди моего поколения не спились и не скололись, окончательно не ушли на заработки, но нашли в себе силы жить, не изменив своей памяти, старой дружбе, и даже войти в церковь и сохранились в ней, восприняв ее эсхатологическое призвание всерьез, то во многом именно потому, что когда-то услышали и сохранили этот призыв, исходящий от поколения Сергея Юрского — перестать много думать о себе и жалеть себя, решившись оставить после себя вот этот пустой стул, чтобы не дать лицедейке-смерти увлечь себя в свой танец. Как сейчас, так и тогда, этот призыв не был громким, но почему-то навсегда остался в сердце:

Там, где есть горизонт, парус ему судья. Глаз предпочтет обмылок, чем тряпочку или пену.

И если кто-нибудь спросит: «Кто ты?» — ответь: «Кто я?» Я — никто, как Улисс некогда Полифему.

Достанет ли нам благодарности?

Семен ЗАЙДЕНБЕРГ